

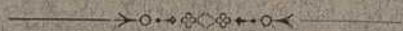
970

Д. м. Ив. Добгялло.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

ВЪ 1705 ГОДУ.

ВИЛЬНА

Типографія „Русскій Починъ“.

1904.

Д. м. Ш. Добгялло.

12

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

ВЪ 1705 ГОДУ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Общій взглядъ на знакомство Петра Великаго съ Сѣверо-Западнымъ краемъ,—стр. 3—4.

I. Посѣщеніе Петромъ Великимъ Бѣлоруссін,—стр. 4—9.

II. Сказаніе о жизни Петра Вел. въ Вильнѣ,—стр. 9—18.

III. Петръ Великій въ Гроднѣ и въ другихъ мѣстахъ края,—стр. 18—20.

ВИЛЬНА.

Типографія „Русскій Починъ“.

1904.

80 L

EX LIBRIS
MARJANA ABRAMOWICZA

Дозволено Цензурою. Вильна, 20 Ноября 1904 г.

Библиотечка
АН БССР

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук БССР

Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1705 году, многіе города и области Сѣверо-Западнаго края впервые были посѣщены великимъ преобразователемъ Россіи, Государемъ Императоромъ Петромъ I. Въ общей сложности Петръ Великій прожилъ въ этомъ году въ Бѣлоруссіи и Литвѣ почти полгода. Пребываніе Петра Великаго въ нашемъ краѣ заслуживаетъ вниманія по своему значенію во взаимоотношеніяхъ Руси восточной и западной, хотя и помимо того, слова и дѣла Императора Петра I, какъ величайшаго генія, уже должны быть для насъ сами по себѣ особенно дорогими.

Извѣстно, что по „вѣчному миру“ съ Польшей (такъ назывался миръ 1686 г.) русскіе Государи получили юридическое право оказывать покровительство и формально защищать православныхъ подданныхъ Польско-Литовскаго государства. Поэтому, договоръ 1686 г. имѣлъ важное, рѣшающее значеніе во всей послѣдующей исторической судьбѣ Западной Россіи до самаго конца Рѣчи Посполитой. По всей справедливости, заключеніемъ этого „вѣчнаго мира“ положено начало новой эпохи въ исторической жизни Западной Руси и, въ частности, жизни православно-русской церкви въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства. Договоръ вѣчнаго

Прим. Источники и пособія: 1) Руконисный Сборникъ, принадлежащій Вил. Публ. Библ., Шк. 3, № 177.—2) Голиковъ „Дѣянія Петра В“. М. 1837., т. II и III. 3) Письма и донесенія іезуита о Россіи конца XVI и начала XVII в.-С.-П.-Б. 1904 г.—

4) Сапуновъ, А. „Витебекая Старина т. 1 и V.
5) Юницкій „Петръ Великій въ Литвѣ“ Вильна, 1881.
6) Памятная книжка Вилен. губ. за 1860 г., ч. 2, стр. 26—36.
7) Манасеинъ. Петръ Велик. и Карлъ XII подъ Гродной.-Гродно 1901.
8) Литовск. Епарх. Вѣдом. 1872 г. № 11.
9) Tyszkiewicz, Birze. 1869.
10) Письма и бумаги Имп. Петра Вел., т. 1 Спб. 1887.

мира служилъ юридическою основою для вмѣшательства русскихъ государей во внутреннюю политику Польши. Этотъ чрезвычайно важный пунктъ вѣчнаго мира получалъ особенное значеніе при личномъ ознакомленіи царствующаго Государя Русскаго съ религіозно-бытовымъ состояніемъ и положеніемъ указанныхъ областей.

Для Петра I, какъ перваго русскаго государя, начавшаго примѣненіе пунктовъ вѣчнаго мира къ запросамъ политической жизни,—личное ознакомленіе съ православными, униатами и латинянами въ Западной Россіи было важно потому, что вводило Великаго Государя въ самую жизнь края давало ясное знаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Достаточно сказать, что при своихъ разъѣздахъ Петръ Великій проявлялъ самую широкую любознательность. „Во всякомъ мѣстѣ, гдѣ останавливался, по обыкновенію своему онъ всегда спрашивалъ: нѣтъ ли въ томъ мѣстѣ чего достопамятнаго и, буде что слышалъ, тотчасъ оное осматривалъ“ (Голик. II. 139.).

Гдѣ-же именно былъ въ нашемъ краѣ Петръ Великій, гдѣ онъ жилъ или только проѣзжалъ и что видѣлъ здѣсь?

I.

Съ Бѣлоруссіей Петръ Вел. впервые познакомился нѣсколько раньше 1705 г. Онъ проѣздомъ посѣтилъ Бѣлорусію въ 1701 году. Изъ Москвы на Витебскъ и Двинскъ онъ слѣдовалъ въ м. Биржи (нынѣ Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губерніи). Петръ выѣхалъ 31 января 1701 года изъ села Преображенскаго не сказавши съ, 17 февраля прибылъ въ Биржи, 27 февраля выѣхалъ изъ Биржъ и 8 марта прибылъ обратно въ Москву.

Въ Биржахъ Петръ I былъ въ гостяхъ у Польскаго короля Августа II, по приглашенію послѣдняго. Оба монарха ѣздили въ Митаву и Дюнаминде и отсюда наконецъ въ Биржи, гдѣ между монархами было подписано, 26 февраля—9 марта 1701 г., тайное соглашеніе относительно продолженія войны со шведами, при чемъ Петръ Великій обязывался выставить въ Декабрѣ 20 тысячъ войска, съ полнымъ снаряженіемъ

и артиллеріей, выдать 100,000 руб. сер. денегъ и 100,000 фунтовъ пороху доставить въ Витебскъ. Въ память этого свиданія Петра I и Августа II была выбита медаль, на которой сдѣлана надпись по латыни: съ одной стороны „Петръ Алексѣевичъ великій Русс. Царь“, и съ другой—„Августъ II Божією Милостію Царь Польскій и електоръ Саксонскій“.

О подробностяхъ этого проѣзда Петра Великаго по Бѣлоруссіи извѣстно очень немного. На этомъ пути Петръ прибылъ въ Витебскъ $\frac{9}{19}$ февраля, остановился у Витебскаго бургомистра Зафатая и далъ возможность видѣть себя почти всему народу; на третій день онъ выѣхалъ въ Биржи. На обратномъ пути $\frac{4}{14}$ онъ также посѣтилъ Витебскъ и, „отужинавъ у Зафатая, выѣхалъ въ Смоленскъ“.

Черезъ четыре года Петръ Великій снова посѣтилъ Запад. Россію, явившись сюда уже съ большимъ войскомъ на помощь Польскому королю Августу II противъ шведовъ... Дѣло было такъ. Въ теченіе 1701—1704 гг. шведы отняли у поляковъ Литву, Варшаву и Краковъ, а самъ Августъ II былъ объявленъ лишеннымъ престола, и на его мѣсто посаженъ преданный шведамъ Станиславъ Лещинскій. Очувтившись въ столь критическомъ положеніи, поляки стали искать снова помощи у Петра Вел. и послѣдній 19 августа 1704 года заключилъ оборонительный и наступательный союзъ противъ шведовъ. 21 августа 1704 года Петромъ I данъ былъ указъ на имя фельдмаршала Бор. Петр. Шереметева, чтобы онъ со всѣми драгунскими полками сталъ на квартирахъ не дальше 100 верстъ отъ Полоцка. Велѣдствіе этого указа 9 полковъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Бориса Петр. Шереметева $\frac{5}{15}$ января 1705 г. вступили въ г. Витебскъ и здѣсь пробыли до весны на квартирахъ постоемъ у мѣщанъ. Другая часть русскихъ войскъ была отправлена изъ Москвы 17 февраля, подъ начальствомъ фельдмаршала иностранца Огильви. Въ маѣ мѣсяцѣ эти войска соединились подъ Полоцкомъ, куда изъ Порѣчья по Двинѣ были доставлены на 50 стругахъ необходимые военные припасы.

Наконецъ, 31 мая 1075 Петръ Вел. съ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, выѣхалъ и самъ изъ Москвы къ своимъ войскамъ, бывшимъ въ Бѣлоруссіи.

Въ этотъ разъ Петръ Великій прїѣхаль по Зап. Двинѣ, вѣроятно отъ Суража (нынѣ запг. гор. Вит. г.), куда отъ Порѣчья ѣхаль по р. Касплѣ. Путь Петра Вел лежалъ опять на Витебскъ, гдѣ онъ пробылъ четыре дня. По Э. Двинѣ Петръ Великій отправился изъ Витебска и въ Полоцкъ. На пути онъ посѣтилъ въ м. Бѣшенковичахъ владѣльца этого мѣстечка князя Казимира Огинскаго (воеводу Виленскаго). Посѣщеніе это должно быть отмѣчено потому, что въ память его была построена здѣсь Огинскимъ деревянная церковь для православныхъ.

Въ Полоцкъ Петръ Вел. прибылъ раньше 18 іюня, потому что отъ этого числа извѣстенъ подписанный имъ указъ, воспрещающій, подъ угрозой смертной казни, какія—либо притѣненія во время перехода по Курляндіи. 23 Іюня 1705 года въ лагерѣ подъ Полоцкомъ былъ изданъ Петромъ I манифестъ къ Варшавскому сейму о вступленіи русскихъ войскъ въ Литву. Оставался государь въ Полоцкъ до конца іюня мѣсяца. Пребываніе Петра Великаго въ Полоцкъ описывается у знаменитаго русскаго историка Серг. Мих. Соловьева въ его „Исторіи Россіи“ (см. т. XV, гл. III), такъ:

„Петръ началъ въ Полоцкъ очень весело: приходили извѣстія, какъ шведамъ не удалось напасть на Петербургъ съ моря и съ сухого пути. Но окончилось пребываніе въ Полоцкъ печальнымъ происшествіемъ.

„Петръ былъ раздраженъ противъ униатскаго духовенства, которое имѣло тайныя сношенія со шведами и Саксѣ-жинцами ко вреду русскаго войска; одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде православнымъ, отличался сильными выходками противъ русскихъ, возбуждалъ народъ къ тайному избіенію царскихъ солдатъ, бранилъ Петра и короля Августа. Петръ молчалъ, потому что считалъ неблагоразумнымъ, вступивъ союзникомъ во владѣнія республики, начать преслѣдованіемъ униатовъ, и тѣмъ возбудить подозрѣніе въ правительствѣ и католическомъ народонаселеніи Литвы и Польши. Но судьба хотѣла иначе. Вечеромъ 30 іюня, наканунѣ отъѣзда изъ Полоцка, онъ зашелъ со своими приближенными посмотреть униатскій монастырь. Масло было

подлито въ огонь, существовавшее раздраженіе усилилось, когда монахи не пустили его въ алтарь, какъ противника ихъ вѣры. Петръ сдержался однако и тутъ. Увидавши образъ, отличавшійся особенными украшеніями, онъ спросилъ: „чей это образъ?“ Монахи отвѣчали: „священномученика нашего Гюсафаты Кунцевича, котораго ваши единовѣрцы умертвили“.

„Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи; сбѣжалась послушники, вооруженные; началась свалка, и нѣкоторые изъ царскихъ приближенныхъ были ранены; наконецъ русскіе одолѣли, четверо униатовъ были смертельно ранены.“

„Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени, и онъ велѣлъ повѣсить монаха, отличавшагося своими выходками противъ него въ проповѣдяхъ“

Останавливаясь вниманіемъ на приведенномъ описаніи пребыванія Петра Великаго въ Полоцкѣ, приходимъ къ тому заключенію, что Петръ I составилъ по полоцкимъ впечатленіямъ весьма нелестное мнѣніе объ униатахъ и, въ частности, объ униатскомъ духовенствѣ, какъ бѣломъ, такъ и черномъ. Петръ являлся въ Бѣлоруссіи въ качествѣ спасителя ее отъ иноземнаго ига, являлся по приглашенію Рѣчи Посполитой и что же? Онъ нашелъ къ себѣ не только недружелюбное, но прямо непозволительно дерзкое отношеніе. Одинъ іезуитъ (Илія Броджіо), принимавшій участіе въ этомъ походѣ въ качествѣ „богослова маршала Огильви“ передаетъ въ одномъ своемъ письмѣ, что Петръ будучи сильно возбужденъ при печальномъ событіи въ Полоцкомъ замкѣ, сказалъ базилианамъ: „Какова ваша дерзость, отцы! Вы оскорбляете меня такъ грубо и безъ всякаго уваженія ко мнѣ“ (письмо XXX). Тотъ же іезуитъ вотъ что писалъ о Царѣ русскомъ и его отношеніи къ единовѣрцамъ и исповѣднымъ: „этотъ монархъ больше всего преданъ людямъ своей вѣры, затѣмъ расположенъ къ католикамъ, далѣе по наружности къ еретикамъ, а всего хуже относится къ нашимъ униатамъ, которыхъ сильно гнушается (письмо XXVII).“

Къ сожалѣнiю, гениальный умъ Петра I еще не могъ въ ту пору провидѣть, что сдѣлаютъ изъ печальнаго полоцкаго случая иновѣрцы и враги?!

Полоцкимъ событiемъ воспользовались во 1-хъ, рим.-католики, разукрасивши его своими красками, а во 2-хъ, вообще враги Петра, которые также внесли въ это событiе много фантастическаго. Они сочинили много басенъ по этому случаю, и, не стѣсняясь, печатно передавали разныя небылицы, какъ напр.—что Петръ Вел. въ Витебскѣ изрубилъ икону Юсафата (Кунцевича), что въ Полоцкѣ въ Софiйской храмъ вошелъ со свитой и ввелъ своего любимаго пса англiйской породы, что монаха, признавашагося униатомъ, ударилъ тростью по головѣ и далъ ему пощечину, отъ которой монахъ упалъ, а Петръ сталъ травить его собакой и затѣмъ изрубилъ этого монаха пополамъ; что Петръ вошелъ въ алтарь и раскидалъ св. Дары, а когда ихъ сталъ подбирать другой iеромонахъ, то царь отсѣкъ ему уши и велѣлъ повѣсить за городомъ; что Софiйскую церковь царь разграбилъ и запечаталъ, и многое другое.

Между тѣмъ, на дѣлѣ ничего подобнаго не было, какъ вполне очевидно изъ приведеннаго выше разсказа историка Соловьева и изъ описанiя Полоцкаго происшествiя, сдѣланнаго по повелѣнiю самаго Петра и опубликованнаго въ г. Вильнѣ въ 1705 г., а также изъ донесенiя въ Римъ папѣ современниковъ событiя—латинскихъ миссiонеровъ изъ Москвы, донесенiя, разысканнаго нѣмецкимъ историкомъ Тейнеромъ. У этихъ миссiонеровъ есть одна замѣчательная подробность: будто бы царская свита на пиру у Огинскаго предъ симъ излишне выпила.....

Для истиннаго пониманiя печальнаго полоцкаго происшествiя нужно имѣть въ виду съ одной стороны натуру Петра, воспитанную на понятiяхъ, недозволявшихъ противорѣчiй, а съ другой стороны и личный взглядъ Петра Вел. на iезуитовъ. Будучи въ Полоцкѣ въ 1705 г., онъ возвращаясь однажды изъ iезуитской коллегiи домой, сказалъ: „я нахожу iезуитовъ далеко не такими, какъ они мнѣ были описаны: они въ дѣйствительности люди славные, любезные, и со всей скромностью держатъ себя въ надлежащихъ гра-

ницахъ“ (п. XXX). При этой точкѣ зрѣнія, рѣшительно не можетъ имѣть мѣста взглядъ на полоцкое событіе, какъ на какое-то религіозное гоненіе¹⁾.

II.

1 Юля 1705 года Петръ Великій изъ Полоцка двинулся съ арміей въ Вильну чрезъ Глубокое и Михалишки. Путь этотъ составляетъ около 250 верстъ. 8 іюля Петръ пріѣхалъ въ Вильну и пробылъ здѣсь до 1 Августа. Съ царемъ былъ наслѣдникъ Алексѣй Петровичъ и небольшая свита. Петръ остановился въ Слуцинскихъ палатахъ (нынѣ тюрьма на лѣвомъ берегу рѣки Вилии, по пути на Антоколь). Черезъ недѣлю пришли и войска.

Пребываніе Петра Великаго и московскихъ войскъ въ 1705 году въ Вильнѣ, въ описаніи какого-то неизвѣстнаго автора на польскомъ языкѣ, находится въ рукописи, хранящейся въ Рукоп. Отдѣленіи Виленской Публ. Библіотеки (См. Опис. рукоп. отд. вып. IV стр. 33 подъ № 177).

Мы даемъ эту рукопись впервые въ дословномъ переводѣ:

„Въ Іюлѣ 1705 года Московскій царь прибылъ въ Вильну съ 50—тысячнымъ регулярнымъ Московскимъ войскомъ. Онъ вымуштровалъ простой и грубый людъ на иностранный, самый новѣйшій образецъ. Свой исконный національный строй онъ нарушилъ и, хотя то было великимъ безчестьемъ, пообстригалъ и пообрилъ у старыхъ волосы на бородѣ и усахъ, и приказалъ своимъ думнымъ боярамъ, князьямъ и всему обществу, подъ страхомъ суроваго наказанія (за ослушаніе), одѣться въ чужеземное нѣмецкое платье. А коль скоро думные бояре и князья, не нарядясь по-нѣмецки, приходили къ нему или встрѣчались гдѣ-либо съ нимъ, то приказывалъ обрѣзать на нихъ по поясъ московскіе кафтаны, длинныя богатая шубы, брить бороды и усы. Также было приказано носить парики, кожаную обувь со шпорами и, оставивъ сабли, при поясѣ носить шпаги.

¹⁾ Арх. Сб. т. V, стр. 78.

Для тѣхъ, кто въ то время наблюдалъ все это, казалось весьма забавнымъ, какъ русскіе (Москали) ходили въ иностранныхъ костюмахъ, но не умѣли пользоваться манерами иностранцевъ. Говорили грубо по-русски, поклоны дѣлали съ крестнымъ знаменіемъ, съ наклоненіемъ головы и съ прикасаніемъ рукою до земли; къ обуви съ шпорами не были привычны и, зацѣпивъ одной ногой за другую, падали лбомъ на землю. Они ѣздили на лошадяхъ татарскихъ, тощихъ, бѣшеныхъ и горячихъ бахматахъ, а равно и на московскихъ, но не на обученныхъ, а на поровиетыхъ.

Не только простые солдаты, но и самые знатные кушали горячіе блины („blivy“) вмѣсто пирожковъ, начиненные въ срединѣ варенымъ горохомъ, капустой, морковью; — пряныхъ блюдъ польскихъ они не употребляли, но сырую капусту, залитую бураковымъ рассоломъ. Равно ѣли въ качествѣ деликатеса рыбу въ теплой водѣ, облитую тѣмъ же рассоломъ, или же, какъ особое лакомство, залитую уксуcomъ.

Крѣпкихъ водокъ, деликатныхъ напитковъ они не знали, но пили только простую водку и квасъ, который для нихъ харчевни дѣлали цѣлыми кадками и платили за него по деньгѣ, т. е. около $\frac{1}{2}$ гроша польскаго.

Вошедши въ ту пору въ Литву, особенно остерегались ѣсть поросятину, телятину, куръ, гусей и всякую дичь, подь опасеніемъ грѣха, потому что такъ приказывали поны: „что ѣсть самъ царь, того не должны они ѣсть“.

Тарелокъ не употребляли: набравъ изъ мисокъ руками, клали предъ собою и ѣли. Но затѣмъ на польскомъ хлѣбѣ такъ избаловались, что послѣдній солдатъ не хотѣлъ ѣсть того, что шляхтичъ самъ могъ готовить для себя, и грубо приказывали давать самыя изысканныя блюда и хорошіе напитки, въ противномъ случаѣ бросали въ лицо, что было имъ не по душѣ, сердились и тотчасъ прижимали въ отношеніи доставки провіанта. Усмотрѣвъ у шляхтича что бы то ни было изъ роскошной столовой утвари или изъ стѣнныхъ украшеній, они навязчиво требовали пожаловать себѣ, или подарить. Не имѣя на въ чемъ отказа, они дошли до

такого обращенія, что стали дѣйствовать по пословицѣ: „когда сова обратится въ ястреба, то она летаетъ выше сокола“. Словомъ своей природной грубости и подъ иноземнымъ платьемъ ни мало не смѣнили. Для тѣхъ, кто наблюдалъ за ихъ обычаями въ то время,—это было интереснымъ зрѣлищемъ.

Какъ драгуны такъ и пѣхота были одѣты въ синіе мундиры, выдаваемые царемъ на все войско.

Вступая въ Вильну, Царь былъ только лишь въ чинѣ капитана, стараясь службою достигъ высшей степени, по иноземному обыкновенію, хотя имѣлъ въ своихъ полкахъ многихъ иностранцевъ въ качествѣ офицеровъ, полковниковъ, и генераловъ. Согласно указанію иноземцевъ, по принятому у нихъ обычаю, а также для того, чтобы показать примѣръ своимъ боярамъ и князьямъ,—пѣхотный свой полкъ, называемый Преображенскимъ, набранный изъ людей отборныхъ какъ по росту, такъ и по выправкѣ,—самъ царь велъ черезъ весь городъ Вильну¹⁾ за каменный мостъ²⁾ на квартиры. За нимъ шли въ порядкѣ: сильная кавалерія, драгуны и пѣхота, пушки и, такъ какъ въ то время русскія войска еще сами содержали себя, везли возы, хорошо нагруженные припасами, пока затѣмъ не начали брать провіантъ въ Литвѣ.

Они расположились лагеремъ за рѣкою Виліей, за каменнымъ мостомъ, на поляхъ. Самъ царь, пріѣзжая въ городъ, остававшійся въ казенномъ домѣ возлѣ самой ратуши, осматривалъ городъ и наблюдалъ за своими людьми, которыхъ былъ полонъ городъ; они ходили съ хлѣбомъ, съ блинами и съ различными московскими товарами.

Однажды царь устроилъ банкетъ, на которомъ были староста Жмудскій панъ Огинскій, панъ каштелянъ Коціоль, панъ Халецкій, панъ писарь Мозырскій Ленкевичъ и многіе изъ общества, самые знатнѣйшіе, такъ какъ не всѣхъ

¹⁾ Петръ Великій провелъ чрезъ Вильну войска отъ Полоцкой заставы, на Зарѣччѣ, близъ Митрополитальнаго Собора.

²⁾ Единственный въ ту пору мостъ на р. Виліѣ, назыв. «Зеленымъ мостомъ».

пускали. Названные представители знати привѣтствовали царя съ прибытіемъ, показывая всячески обходительность, объщая помогать и заявляя, что если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось потерять царю людей, то все это случилось благодаря партіямъ Сапѣжинскимъ, которыя имѣютъ много приверженцевъ и подъ руководствомъ которыхъ дѣйствуютъ шведы; нынѣ же когда увидѣли столь многочисленныя царскія войска, нѣтъ и близко шведа при польскихъ отрядахъ.

На все царскіе вопросы паны старались отвѣчать какъ можно предупредительнѣе и любезнѣе. Они же дали позволеніе отъ имени всей провинціи великаго княжества Литовскаго на содержаніе московскаго войска. Этимъ царь былъ весьма доволенъ, ибо въ то время не былъ еще знакомъ со строемъ Рѣчи Посполитой. Потомъ же осмотрѣвшись, безъ всякаго позволенія издавалъ въ Литвѣ распоряженія какъ въ своемъ государствѣ.

Тамъ (на упомянутомъ балу) Царь потчевалъ всехъ разными напитками, винами, медами, водкою, принуждая выпить въ своемъ присутствіи за здоровье короля, за здоровье Рѣчи Посполитой и за свое здоровье и приказывалъ присматривать за каждымъ полякомъ. Здѣсь царскіе шуты, не взирая ни на высокій, ни на низкій чинъ, ни на товарищество, по своему обычаю, предъ царемъ и предъ всеми, чрезвычайно грубо шутили; другому и въ зашей досталось. Но все то должно было почитать за шутку. Вдругъ паны-товарищество, затуманивъ разными напитками разумъ, начали ссориться между собой, а затѣмъ вмѣшался панъ Ленкевичъ, тогда поручикъ г. Халецкаго, старосты Мезырскаго. Увидѣвъ это, Царь былъ доволенъ и приказалъ имъ биться, желая потѣшиться тѣмъ, какъ этотъ народъ дерется въ пьяномъ видѣ. Итакъ поручикъ Ленкевичъ и одинъ изъ его товарищей, обнаживъ сабли, начали наносить другъ другу раны на головѣ и на рукахъ. Царь смотрѣлъ на это, не приказывая разнимать ихъ и уже когда увидѣлъ кровь, удовлетворился этимъ поединкомъ. Это было большимъ конфузомъ для присутствовавшихъ тамъ литовскихъ пановъ.

Виленскій епископъ, кс. Бржостовскій, съ иными своими

епископами и со своей капитулой старался привлечь къ себѣ царское благорасположеніе, ибо московское войско расположилось въ этомъ году по сосѣдству съ Верками, принадлежавшими епископу. Сдѣлавъ визитъ царю, онъ привѣтствовалъ его со счастливымъ вступленіемъ въ государство Рѣчи Посполитой и съ будущимъ триумфомъ надъ общимъ непріателемъ—шведомъ.

Тутъ собрались къ Царю Литовскіе магнаты. Онъ устроилъ пиръ и желалъ угостить епископа необычной смѣсью разныхъ напитковъ. Когда-же тотъ отказывался нездоровьемъ, царь сталъ подергивать головой, какъ обычно во время приступовъ конвульсій. Когда кс. бискупъ заговорилъ о базилианахъ, убитыхъ въ Полоцкѣ, — Царь пустился въ глубокія разсужденія о вѣрѣ, о духовномъ чинѣ, о подвластности духовенства и что у него попы въ его власти. Кс. бискупъ, не вдаваясь въ дальнѣйшіе разговоры съ Царемъ, замолчалъ, и едва вырвался отъ угощенія московскаго, боясь, какъ бы то, что случилось съ Полоцкими базилианами и къ нему не было примѣнено; изъ приведенныхъ словъ, иначе—шутокъ особаго характера, которыя царь отпускалъ по адресу духовенства, онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ всемогущимъ врагомъ. Только благодаря предстательству старосты Жмудскаго Огинскаго, который пользовался царскимъ расположеніемъ, ксендзь бискупъ освободился отъ этого визита, и послѣ сего ни духовенство ни король, ни сенаторы о полоцкомъ печальномъ событіи не напоминали царю, но все ему дѣлали угодное.

Стоя не малое время подъ Вильной, царь Московскій ежедневно готовилъ свое войско къ войнѣ и усердно училъ его, такъ какъ оно, хотя и многочисленное, состояло изъ недавно набранныхъ рекрутовъ.

Царь узнавъ, что шведскій генераль Левенгауптъ стоитъ подъ Митавой, отправилъ изъ-подъ Вильны къ Митавѣ своего старшаго фельдмаршала Шереметева во главѣ 12 тыс. войска московскаго. Генераль Левенгауптъ былъ предупрежденъ союзниками, соединилъ шведское войско и далъ Шереметеву сраженіе. Не выдержавъ, Шереметевъ уступилъ поле, съ потерей своихъ людей. Будучи сконфуженъ и боясь царя за проигранное дѣло, и желая по-

правиться, Шереметевъ снова напалъ на Левенгаупта и далъ ему формальную битву; но вторично проигралъ ее, такъ что безъ малаго всѣ 12 тысячъ московскаго войска потерялъ подь Митавой.

Царь Московскій тѣмъ сильнѣе разгнѣвался, что это было въ началѣ его кампаніи; поэтому самъ лично взялъ часть хорошаго войска и отправился на помощь Шереметеву противъ генерала Левенгаупта, одну часть войска оставивъ за Каменнымъ мостомъ, а другую часть войска за св. Стефаномъ ¹⁾ подь г. Вильной. Но генераль Левенгауптъ, бывшій министромъ шведскаго короля, считая довольнымъ для себя двѣ выигранныя у Шереметева битвы и, не довѣряя счастью, что въ третій разъ будетъ имѣть успѣхъ, отступилъ отъ Митавы. Поэтому Московскій Царь вернулся безъ результата.

Августа 10-го, въ день св. Лаврентія, около 2-хъ часовъ по полудни, среди яснаго дня на небѣ показалась небольшая тучка, изъ коей молнія ударила въ московскій шатеръ, въ обозѣ подь Вильною и убила 16 москалей и изъ начальниковъ—полковника ²⁾. Черезъ недѣли двѣ послѣ св. Лаврентія молніей въ московскомъ обозѣ тамъ же подь Вильной убито 40 москалей и одна пушка разбита на части. Въ этомъ была явная кара и гнѣвъ Божій за убитыхъ и замученныхъ въ Полоцкѣ монаховъ, что подь Митавой дважды проиграна битва со шведами и столь много людей убито молніей. Наконецъ, и самъ царь, видя притѣвленія отъ ввода своего войска въ средину Рѣчи Посполитой, позналъ надъ собою гнѣвъ Божій и явное несчастіе. Въ разговорѣ сталъ онъ говорить по русски: „усе это тые поны

¹⁾ Очевидно, передъ отъѣздомъ изъ Вильны Петра Вел. войска русскія, оставленныя подь Вильной, были расположены въ двухъ отдѣльных частяхъ: по одной и другой стороны р. Виліи: одна часть на сѣв.-зап. другая на юго-востокѣ р. Вильны.

²⁾ Иезуитъ Ілія Броджіо въ письмѣ изъ Вильны отъ 13 авг. (н. с.) 1705 года пишетъ объ этомъ: „Вчера явилось другое для москвитянъ, предзнаменованіе, и ч. однимъ ударомъ молніи было поражено 17 Московскихъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ 4 артиллерійскихъ снарядовъ при чемъ одинъ изъ нихъ умеръ на мѣстѣ, а остальные 16 чел. обожжены и тяжко больны“ (п. XXVIII).

мнѣ робить“ („Usio to tyie porі mnie gobiac“). Онъ имѣлъ послать въ Римъ къ Святѣйшему Отцу, для испрошенія благословенія на эту войну со шведами ³⁾.

Тогда же Московскій Царь основалъ магазинъ въ Вильнѣ, съ цѣлью удешевить провіантъ и оставилъ при немъ комиссара съ помощникомъ, съ писарями и канцеляріей московскою и немало драгунъ московскихъ съ офицерами, подъ командою того же московскаго комиссара. Отъ имени всей Провинціи вел. княж. Литовскаго панъ Жридскій рекомендовалъ въ качествѣ комиссаровъ въ этотъ комиссаріатъ подстаросту княжества Жмудскаго пана Еліяшевича и старосту Струтынскаго и пана Франциска Нагурскаго въ качествѣ вице-комиссара. Будучи въ столь тяжеломъ положеніи, княжество Литовское ничего объ этомъ не знало.

Этимъ Литовскимъ комиссарамъ дана была стража и московская свита, какъ къ ихъ квартирамъ, такъ и для исполненія ихъ распоряженій. Они предписали по воеводствамъ и повѣтамъ, чтобы сразу было выдано провіанта съ каждаго дома по бочкѣ ржаной муки и по 4 гарнца крупы ячменной и сверхъ сего г. г. комиссары со всего Литовскаго княжества брали въ свою пользу по одному тынфу, кромѣ того что имѣли давать ихъ приставникамъ и Московскимъ офицерамъ, которые ѣздили для сего побора.

Отсюда возникло большое обремененіе, ибо эти литовскіе комиссары свои предписанія приводили въ исполненіе чрезъ посредство Москвы и немилосердно обдирали, взимая помимо установленныхъ военныхъ московскихъ податей еще особливую капиуляцію съ повѣтовъ.

Въ то время въ Вильнѣ, по желанію Москвы, подъ

³⁾ Тотъ же іезуитъ отъ 6-го августа (н. с.), также изъ Вильны, пишетъ: „Весьма недавно я смѣялся, читая въ напечатанныхъ здѣсь въ Вильнѣ новостяхъ, что въ Римѣ папѣ сдѣлано предложеніе, въ которомъ выставляется на видъ желаніе Московскаго государя быть въ одной вѣрѣ съ римлянами. Но кто знаетъ здѣшнее положеніе дѣлъ, тотъ не станетъ убѣждать себя, что это такъ (п. XXVII),

управленіемъ референдарія вел. кн. Литовскаго, человѣка справедливаго и мудраго Стефана Слизня, собранъ былъ трибунальъ единственно для утверженія власти короля Августа II-го, хотя онъ не удовлетворилъ сторонъ. Слизень съ цѣлымъ трибуналомъ привѣтствовалъ Московскаго Царя, изобразивъ въ рѣчи предположенія Рѣчи Посполитой и короля. Отъ имени царя въ нѣсколькихъ словахъ отвѣтилъ министръ, слѣдующее: „что вы признаете Августа II-го, это хорошо; нашъ Государь за то похваляетъ васъ.“

По закрытіи трибунала, 12 Сентября¹⁾ Москвитяне ушли изъ Вильны—часть въ Гродну, часть къ Ригѣ.“

Фактическая сторона этого сказанія весьма наглядно показываетъ, что авторъ его преслѣдовалъ не одну только цѣль скромнаго бытописателя того, что твердо зналъ. Но и это пристрастное, дышащее ненавистью какъ къ Петру Вел. такъ и къ московскимъ войскамъ сказаніе свидѣтельствуеъ о великихъ трудахъ Петра I во время пребыванія его въ Вильнѣ. Помимо цѣлага ряда плановъ и распоряженій по управленію своимъ государствомъ и относительно войны со шведами, въ лагерѣ подъ Вильной, Петръ I постоянно обучалъ свое войско, дѣлалъ маневры и смотры. Нужно добавить, что многіе польскіе и иностранные сановники, пріѣзжавшіе въ лагерь, лично видѣли, что русское войско было прекрасно обучено. Кромѣ этого военныя наклонности Петра проявились тѣмъ, что онъ распорядился укрѣпить нагорный Виленскій замокъ палисадомъ и занялъ его русскими войсками. Впрочемъ, объ этомъ сообщаютъ другіе источники, изъ которыхъ узнаемъ нѣкоторыя новыя подробности, напр. о слѣдующемъ:

Жизнь въ Вильнѣ дала Петру Великому возможность прекрасно изучить городъ и ознакомиться съ разными учеными и административными учрежденіями. Такъ извѣстно, что онъ не разъ посѣщалъ іезуитовъ, а 31 іюля Государь вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ Петровичемъ и свитой при-

¹⁾ Петръ Вел. изъ подъ Вильны ушелъ 13 августа (новаго ст.) „рано утромъ.“ Вѣроятно переписчикъ не разобралъ бывшаго въ оригиналѣ слова „Sierp“ [Августа] прочиталъ „Sept“ [Сентября].

существовалъ въ Виленской іезуитской академіи на актѣ по случаю окончанія годовыхъ занятій, внимательно выслушалъ весь актъ и затѣмъ принялъ угощеніе іезуитовъ.

На другой день открылись засѣданія главнаго Литовскаго трибунала. Петръ Великъ прибылъ въ трибуналъ и съ большимъ вниманіемъ слушалъ пренія адвокатовъ. Трибунальная форма судопроизводства не удостоилась, однако, одобренія Царя.

III

2-го Августа (ст. ст.—13 н. ст.) 1705 Государь Петръ I съ Преображенскимъ полкомъ и съ дивизіей князя Репнина, всего до 40 тысячъ, выступилъ изъ Вильны на помощь Шереметеву, незадолго предъ тѣмъ потерпѣвшему пораженіе отъ шведовъ при Муръ-мызѣ, въ Курляндіи. Въ письмѣ іезуита Ильи Броджіо, отъ 13 августа (нов. ст.) 1705 года, изъ лагеря поъ Вильной, находимъ слѣдующее сообщеніе: „Вчера свѣтлѣйшій царь отправилъ обратно въ Москву своего сына, а самъ, незамѣтно для здѣшняго войска, уѣхалъ сегодня рано утромъ въ Курляндію (п. XXVIII)“.

Путь царя лежалъ на Биржи. Это вторичное посѣщеніе Биржъ не было похоже на первое. Петръ пробылъ теперь въ Биржахъ съ 6 по 10 августа и затѣмъ двинулся дальше на Шеембергъ по направленію къ Митавѣ, осадилъ Митаву и четвертаго сентября взялъ приступомъ.

Наступившее осеннее время выдвинуло вопросъ о зимнихъ квартирахъ для войскъ русскихъ. Государь рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Гродны, куда и направлены были войска изъ Курляндіи.

16 сентября 1705 года Петръ Великій чрезъ Ковенскую губернію изъ Курляндіи прибылъ въ Гродну и прожилъ до 7 декабря, когда, оставивъ войска въ Гроднѣ, отправился самъ въ Москву. Такимъ образомъ гродненская жизнь Петра Великаго въ 1705 году обнимаетъ 3 мѣсяца безъ одной недѣли.

Чѣмъ интересовался и какъ жилъ въ это время Петръ

Великій? Къ сожалѣнію объ этомъ времени можно сказать очень немного. Даже меньше того, что сохранилось о пребываніи Петра Великаго въ Полоцкѣ и Вильнѣ. Приходится ограничиться только извѣстнымъ сочиненіемъ Голикова: „Дѣянія Петра Великаго“. Отсюда можно видѣть, что у Петра на первомъ планѣ стояли и въ Гроднѣ разныя государственныя дѣла—морское и военное. Онъ пишетъ массу писемъ и распоряженій изъ Гродны. Онъ принимаетъ въ Гроднѣ польскаго короля Августа II и значительное время съ 30 октября до отъѣзда изъ Гродны, проводитъ съ нимъ, совмѣстно совѣтуясь о дѣлахъ. Изъ Гродны дважды ѣздилъ Петръ Великій въ заштатный городъ Тыкотинъ (Ломж. губ.) для осмотра войскъ польско-литовскихъ: первый разъ между 22 сентября и 2 октября и вторично между 13 и 30 октября.

На время разъѣздовъ этого 1705 года падаетъ, по сообщенію Голикова слѣдующее происшествіе, изложеніемъ котораго мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку.

Проѣзжая чрезъ одинъ городокъ, Петръ Великій узналъ, что въ этомъ городѣ, въ мѣстномъ костелѣ, имѣется такой чудесный образъ Богоматери, что нерѣдко во время богослуженія источаетъ слезы. Было множество свидѣтелей этого чуда. Петръ Великій тотчасъ отправился въ этотъ костелъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что недалеко отъ алтаря было поставлено богато украшенное рѣзное изображеніе Богоматери, одѣтой въ золототканную одежду; изъ глазъ этой статуи истекали слезы. Изображеніе это было поставлено такъ высоко, что только большого роста человѣкъ могъ достать его ногу.

Въ костелѣ было богослуженіе. Петръ Великій не выказалъ никакого удивленія, ни раскрылъ своего намѣренія, которое онъ привелъ въ исполненіе послѣ окончанія богослуженія. Явившись въ костелъ въ сопровожденіи своей свиты, Петръ велѣлъ подать лѣстницу и, закрывъ храмъ, по лѣстницѣ поднялся къ чудесному образу, и сталъ его прилежно осматривать. Долго онъ ничего не могъ увидѣть. Но затѣмъ замѣтилъ весьма маленькія дырочки въ глазахъ. Тогда

онъ снялъ съ иконы большой головной уборъ и нашелъ выдолбленную до глазъ голову, покрытую пустымъ внутри черепомъ и наполненную водой. Въ водѣ же плавали живыя рыбки, отъ чего вода приходила въ нѣкоторое колебаніе и по немногу выходила въ малыя скважины глазъ.

Монархъ, полюбовавшись на этотъ обманъ, снова накрылъ голову статуи черепомъ и головнымъ уборомъ и, слѣзая съ лѣстницы, даже и слова не сказалъ пристыженнымъ ксендзамъ, утверждавшимъ это чудо.“ (Голиковъ II. 139—140).

Дм. Ив. Довгялло.

ОБ-XX
HP-2074